

Михаил Лурье (Санкт-Петербург)

URBS ET TERRA.
ПОЭТИКА ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА
В ПЕСНЯХ О ГОРОДЕ

Представление о «родной земле» – как и вообще о «земле» – мало ассоциируется с городом. Тем не менее в число задач патриотического воспитания в советскую эпоху входило и развитие городского локального патриотизма. Одним из способов выполнения этой задачи была популяризация особого жанра, который можно обозначить как «песня о городе». Количество написанных за полвека развитого социализма и последующие полтора десятилетия песен о городах приближается к тысяче (заметим в скобках, что в наши дни эта традиция, почти не видоизменившаяся с советских времен, получила второе дыхание). Сочинение городских песен всячески приветствовалось, поощрялось и стимулировалось «сверху». Так, в 1950-х – 1970-х годах издавались многочисленные сборники, составленные по тематическому принципу из песен о том или ином городе: «Песни об Одессе», «Легендарный Севастополь», «Тула – родина моя» и т. п. Кроме того, выпускались сборники песен местных композиторов (например одесских, томских, и проч.), составлявшиеся по результатам специально организованных конкурсов. Налицо элемент государственной политики, направленной, как можно предположить, на то, чтобы каждый советский человек знал и уважал как свой город, так и другие города своей большой страны.

Однако при ближайшем рассмотрении начинает казаться, что банальная вроде бы задача привить любовь к тому или иному городу решается в песнях достаточно своеобразно. И далее мы увидим, что это не случайно. Первое, что бросается в глаза: традиционные урбанистические атрибуты – шумная городская толпа, индустриальные пейзажи, быстрый ритм жизни и т. п. – достаточно редки и фрагментарны. Столь же единичны описания внутреннего строения городского пространства, обозначения таких его компонентов, как дома, улицы, площади и проч. И вообще, песенный текст то и дело размывает городские границы, постоянно смешивая именованья и характеристики самого города и окружающей его местности, обозначаемой словами край, земля, просторы и т. п. Так, в песне «Родная Одесса моя» поется:

Край мой, родная сторонка,
в «Гимне Ельцу» –
Земля елецкая, живи!

в «Песне об Усинске» –

Край раскинулся усинский
Возле сердца моего,

в песне «У города Тамбова» –

Я люблю тебя, Тамбовщина,
А особенно – весной!

Более того, сам по себе город в большинстве случаев не описывается подробно, зато регулярно преподносится в контексте того природного пространства, в которое он вписан и с которым должен ассоциироваться. Для Севастополя, скажем, таким контекстом будут черноморские волны и приморский пейзаж:

Седые буруны над синим простором,
У древнего мыса рокошет прибой.
В цветущих каштанах прославленный город,
Холмы и курганы в дали голубой¹;

для Тольятти – тоже море, только искусственное:

Над Жигулевским морем
Сосновые леса,
Там вырос новый город
И встали корпуса²;

для Томска – таежные просторы:

Проносится ветер над синим простором,
Тайга вековая шумит,
И нашим с тобой открывается взорам
Город на Томи³;

для Норильска – заснеженные пространства тундры:

Не спеша приходит утро,
Не спеша буран гудит,
Под бураном дремлет тундра,
А Норильск не спит, давно не спит⁴; – и т. д., и т. п.

Минимальным знаком включенности в природное пространство для большинства городов является его расположение на реке. Упоминание городской реки встречается едва ли не в каждой второй песне (при этом нередко актуализируется мотив любовных встреч, также весьма характерный для песен о городах⁵): Река и город то и дело возникают рядом, рука об руку, как неразлучные «близнецы-братья»:

На Дону-реке, кто не был,
Кто в Ростове не бывал,
Потерял кусочек неба,
Слово песни потерял⁶.

Эх, в Рязани синие глаза,
Широка Ока в Рязани.
Очи – бирюза⁷.
Город над Томью,
Наши дела и мечты,
Юностью Томска, первой любовью
В сердце останешься ты⁸;

Ты растешь над Окой, ты цветешь на заре журавлиной,¹
Ты встречаешь друзей хлебом-солью, пожатем руки.
Мой любимый Орел,
Мой Орел, молодой и былинный...⁹

Тула вся огнями светится,
Ивы дремлют над Упой,
Хорошо с тобою встретится
В этот вечер голубой¹⁰.

Город как таковой оказывается как будто неполноценным или несамодостаточным пространством, его необходимо дополнить, а то и заменить природным окружением. Ряд примеров можно было бы продолжить, завершив его большим фрагментом из песни «Одесса чудная» – фрагментом, из которого практически невозможно понять не только о каком именно городе идет речь, но и что речь вообще идет о городе:

Мы любим детей яснооких
И шорох цветущих ветвей,
Простор черноморский широкий
И даль урожайных степей.

Качает акации ветер
Под небом твоим голубым.
С каким же мы краем на свете
Тебя, наша гордость, сравним¹¹.

Таким образом, урбанистический код то и дело подменяется в песне кодом природным, идея и образ города – идеей и образом земли, края. И в этом видится последовательная реализация определенного идеологического задания: на уровне текста песни практически буквально воплощается программный некогда лозунг – «стирание границ между городом и деревней». Город не отделяется от области, от земли, на которой стоит. Он становится символом и именем этой земли, вмещает ее в себя как знак, но сам растворяется в ней как пространство.

в «Песне об Усинске» –

Край раскинулся усинский
Возле сердца моего,

в песне «У города Тамбова» –

Я люблю тебя, Тамбовщина,
А особенно – весной!

Более того, сам по себе город в большинстве случаев не описывается подробно, зато регулярно преподносится в контексте того природного пространства, в которое он вписан и с которым должен ассоциироваться. Для Севастополя, скажем, таким контекстом будут черноморские волны и приморский пейзаж:

Седые буруны над синим простором,
У древнего мыса рокошет прибой.
В цветущих каштанах прославленный город,
Холмы и курганы в дали голубой¹;

для Тольятти – тоже море, только искусственное:

Над Жигулевским морем
Сосновые леса,
Там вырос новый город
И встали корпуса²;

для Томска – таежные просторы:

Проносится ветер над синим простором,
Тайга вековая шумит,
И нашим с тобой открывается взорам
Город на Томи³;

для Норильска – заснеженные пространства тундры:

Не спеша приходит утро,
Не спеша буран гудит,
Под бураном дремлет тундра,
А Норильск не спит, давно не спит⁴; – и т. д., и т. п.

Минимальным знаком включенности в природное пространство для большинства городов является его расположение на реке. Упоминание городской реки встречается едва ли не в каждой второй песне (при этом нередко актуализируется мотив любовных встреч, также весьма характерный для песен о городах⁵). Река и город то и дело возникают рядом, рука об руку, как неразлучные «близнецы-братья»:

На Дону-реке, кто не был,
Кто в Ростове не бывал,
Потерял кусочек неба,
Слово песни потерял⁶.

Эх, в Рязани синие глаза,
Широка Ока в Рязани.
Очи – бирюза⁷.
Город над Томью,
Наши дела и мечты,
Юностью Томска, первой любовью
В сердце останешься ты⁸;

Ты растешь над Окой, ты цветешь на заре журавлиной,
Ты встречаешь друзей хлебом-солью, пожатем руки.
Мой любимый Орел,
Мой Орел, молодой и былинный...⁹

Тула вся огнями светится,
Ивы дремлют над Упой,
Хорошо с тобою встретится
В этот вечер голубой¹⁰.

Город как таковой оказывается как будто неполноценным или несамодостаточным пространством, его необходимо дополнить, а то и заменить природным окружением. Ряд примеров можно было бы продолжить, завершив его большим фрагментом из песни «Одесса чудная» – фрагментом, из которого практически невозможно понять не только о каком именно городе идет речь, но и что речь вообще идет о городе:

Мы любим детей яснооких
И шорох цветущих ветвей,
Простор черноморский широкий
И даль урожайных степей.

Качает акации ветер
Под небом твоим голубым.
С каким же мы краем на свете
Тебя, наша гордость, сравним¹¹.

Таким образом, урбанистический код то и дело подменяется в песне кодом природным, идея и образ города – идеей и образом земли, края. И в этом видится последовательная реализация определенного идеологического задания: на уровне текста песни практически буквально воплощается программный некогда лозунг – «стирание границ между городом и деревней». Город не отделяется от области, от земли, на которой стоит. Он становится символом и именем этой земли, вмещает ее в себя как знак, но сам растворяется в ней как пространство.

Но советской песне о родном городе определена миссия искусно преодолеть еще одну оппозицию – родной край и родная страна. И здесь необходимо сказать о другом общем свойстве нашего материала: город в песне – это всегда родной город. В большинстве текстов присутствует четко обозначенная фигура лирического героя. В результате содержание песни, по сути, определяет не рассказ о городе, не описание города, а связанные с городом «индивидуальные», «личные» воспоминания, переживания, суждения героя.

Герой и город в песенном тексте находятся в отношениях лирической притяжительности, что манифестируется в названиях, нередко построенных по формуле «N-ская лирическая»: «Тульская лирическая», «Томская лирическая» и т. д. – и еще чаще включающих в себя прилагательные «родной», «любимый» или местоимения первого лица: «Родной Севастополь», «Здравствуй, город родной», «Мой любимый Орел», «Мой родной город», «Родная Одесса моя», «О городе моем», «Песня о моем городе», «Мой город» (это название носят по меньшей мере две песни), «Наш Брянск», «Моя молодая Ухта», «Мы из Сум», «Мы – из Одессы моряки», «Тула – родина моя», и т. п..

Один из основных приемов, включающих город в интимно-лирический текст, – представить его как город детских и юношеских воспоминаний.

В Туле улица есть, где прошло наше детство,
Где гоняла мячи во дворах ребятня...
Я хочу в эту улицу снова взглядеться,
И она непременно припомнит меня!¹²

Иду я к заветному дому
У светлой, как детство, реки...¹³

Вот в этом городе прошло мое детство.
Помню: с друзьями всюду бродил!¹⁴

За туманную дымкой мороза
Я твои различаю черты.
Это ты, моя молодость звездная,
В новых ярких огнях Воркуты!¹⁵

Ах, город юности моей –
Златая нить воспоминаний!¹⁶

Ой вы, ночи, донецкие ночи,
Мои юные года!¹⁷

Даже если воспеваемый город не является для лирического героя местом рождения или об этом не сообщается прямым текстом, все равно в силу тех или иных причин этот город осознается как малая родина. Либо герой встретил здесь свою первую любовь:

О, милый город, один ты все знал,
Как на тихонькой улице я любовь повстречал¹⁸,

либо выучился и повзрослел в этом городе, пережил второе рождение в новом социальном качестве:

Он настанет, час прощания,
Томску ниже, студент, поклонись,
Мы в Томске учились, мы в нем получили
Путевку в жизнь¹⁹.

Устойчивые мотивы прощания и воспоминания в этих песнях не случайны. Отношения с городом детства и юности, с городом-родиной всегда окрашены особым лирическим драматизмом. Даже если герой не отрывается от родного места, все равно, взрослея, он неизбежно утрачивает с ним ту связь, которая так остро ощущалась в детстве. И наоборот: если герой покидает малую родину, то родимый город не дает забыть себя, метафизически преследуя блудного сына (как именует себя лирический герой одной из песен о Ельце):

В России есть город, который навечно
В сердцах наших свято храним.
И каждое утро, и каждый наш вечер
Повсюду на свете мы с ним²⁰.

Где бы мы, товарищ, не были с тобой,
Все же нам из детства, из туманной дали,
Городок районный, городок родной,
Часто в сны приходит на свиданье²¹.

Родной город в песне рисуется как место славное и прекрасное. Но важно, что при этом он обязательно включается в общероссийский контекст, как бы соперничая с другими городами:

Есть город в России,
Не очень велик, да известен.
Над ним, как легенда,
Проплыли седые века.
О городе этом немало разносится песен,
Не очень велик он, да слава его велика²².

Он прекрасен, потому что он мой, наш:

Есть и краше города,
Но нигде и никогда

Не забуду Тулу я,
Тула – родина моя²³.

В других городах, и больших и богатых
Немало красот, может быть.

Но их и сегодня, совсем как когда-то
С любимым Ельцом не сравнить²⁴.

Он славен своими людьми и делами, ему есть чем гордиться в ряду
других русских городов:

Слава русская державная
Город наш не обошла:
Помнит он дела Державина
И Котовского дела²⁵.

Он в чем-то – например, в древности – не уступает даже самой столице:

Он родился в век, да вперед Москвы
И просторы здесь далеко видны...²⁶

Нашим городом можно гордиться,
Красотою его и судьбой.
Он по паспорту старше столицы,
А по виду такой молодой²⁷.

А в чем-то он и сам по себе столица:

Ты нефти и газа столица,
Печорского края звезда.
Тобою нельзя не гордиться,
Моя молодая Ухта²⁸.

Конечно, привязанность к «отчому дому» и «любовь к отеческим
гробам» не должно затенять и перекрывать любви к отечеству. Эти
позиции необходимо как-то согласовать, с чем песня о городе
справляется вполне успешно. Для этой цели в арсенале риторических
возможностей жанра есть специальная модель: город преподносится как
концентрация всего российского и становится таким образом
символическим воплощением большой родины:

Стоит на свете Тула-городок,
Стоит не шибко низок, не высок,
Но только тот, кто в Туле не бывал,
Тот матушки-России не видал²⁹.

Независимо от того, в каких широтах и насколько давно построен го-
род, в сублимирующем лирическом сознании героя малая родина полно-
ценно представляет Родину большую. И таким «вместилищем» вся Руси
может с равным успехом оказаться не только расположенная в центре

европейской части и неподалеку от столицы старинная Тула, но и, к примеру, совсем молодой Усинск:

Для меня здесь вся Россия
Средь тайги и средь лесов.
И дорожке, чем Усинск мой,
Нет на свете ничего³⁰.

Таким образом, в результате бесконечного «вписывания» в общенациональный культурно-исторический масштаб город предстает в песне, с одной стороны, как единственный, неповторимый, славный людьми и делами, соперничающий в этой славе с другими городами вплоть до самой столицы; с другой стороны – как одна из малых частиц большой земли. И любовь к родному городу – это лишь одна из ипостасей любви к общей Родине. Между малой родиной и Родиной устанавливаются отношения тождества, и локальный патриотизм в песнях о городах может легко оборачиваться своего рода «локальным космополитизмом». Но эту идею воплощает уже не песня о городе, а песня о дороге:

Колеса диктуют вагонные,
Где срочно увидятся нам.
Мои номера телефонные
Разбросаны по городам.
Заводится сердце, сердце волнуется,
Почтовый пакуется груз.
Мой адрес – не дом и не улица –
Мой адрес – Советский Союз³¹.

Примечания

¹ Город славы. Муз. Б. Боголепова, сл. А. Красовского // Легендарный Севастополь: Вокальные произведения: [Для пения (соло, хор)] в сопровождении фортепьяно [баяна] / Сост. И. Б. Драго. – Киев, 1983. – С. 9

² Тольятти-городок. Муз. Н. Кутузова, сл. В. Бокова // Я кланяюсь России: песни на стихи Виктора Бокова для голоса (хора) в сопровождении фортепиано (баяна). – [б.м.]. – С. 21.

³ Томская лирическая. Муз. В. Лавриненко, сл. В. Иванова // Навстречу фестивалю молодежи: Звени, наша песня: Сборник песен местных композиторов. – Томск, 1956. – С. 31.

⁴ Норильский вальс. Муз. Ю. Чичкова, сл. В. Котова // Чичков Ю. Песни для голоса в сопровождении фортепиано. – М., 1971. – С. 64.

⁵ Подробнее об это см. в нашей статье: Образ города в советской лирической песне // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах

(история, теория, педагогическая практика): Материалы науч. конф. (4 – 7 сент. 2000 г.) / Отв. ред. И. О. Ермаченко. – Петрозаводск, 2001. – С. 214 – 225.

⁶ Песня о Ростове. Муз. К. Кромского, сл. М. Рейтмана // Мой город родной: песни о городах: для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна) / Сост. К. Соймонов. – М., 1980. – С. 34.

⁷ Рязаночка. Муз. Л. Бакалова, сл. Я. Белинского // Об огнях-пожарищах...: Песни войны и победы / Сост. Г. П. Любарев и М. М. Панфилова. – М., 1994. С. 6.

⁸ Томский вальс. Муз. В. Мурадели, сл. В. Пухначева // Мурадели В. Песни: Для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна). Т. II. / Сост. А. Тищенко. – М., 1980. – С. 111.

⁹ Мой любимый Орел. Муз. В. Пикуля, сл. В. Шошина // Мой город родной: песни о городах: для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна) / Сост. К. Соймонов. – М., 1980. – С. 22.

¹⁰ Тульская лирическая. Муз. И. Савостина, сл. В. Галкина // Цвети, наш край: репертуарный сборник. – М., 1954. – С. 58.

¹¹ Одесса чудесная. Муз. Н. Гржибовского, сл. Н. Щербаня в переводе И. Титовой // Песни об Одессе. – Киев, 1964. – С. 36.

¹² Тульская улица. Муз. Л. Бобылева, сл. Ю. Щелокова. Тульская улица // Тула – родина моя: Сборник песен. – Тула, 1977. – С. 29.

¹³ Песня о Краснодаре. Муз. В. Пономарева, сл. К. Обойщикова // Мой город родной: песни о городах: для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна) / Сост. К. Соймонов. – М., 1980. – С. 37.

¹⁴ Вечерний Елец. Муз. Ю. Моргачева, сл. Ю. Моргачева и А. Прокуратова // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. – Елец, 1996. – С. 87.

¹⁵ Песня о Воркуте. Муз. Я. Перепелицы, сл. А. Клейна // Перепелица Я. Красная рябина: Песни. – Сыктывкар, 1986. – С. 18.

¹⁶ Елец. Городской романс. Муз. А. Почтарева, сл. П. Солнцева // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. – Елец, 1996. – С. 35.

¹⁷ Донецкие ночи. Муз. И. Шамо, сл. Д. Луценко в переводе В. Семернина // Шамо И. Лирические песни. – М., 1963. – С. 23.

¹⁸ Вечерний Елец. Муз. Ю. Моргачева, сл. Ю. Моргачева и А. Прокуратова // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. – Елец, 1996. – С. 87.

¹⁹ Томская лирическая. Муз. В. Лавриненко, сл. В. Иванова // Навстречу фестивалю молодежи: Звени, наша песня: Сборник песен местных композиторов. – Томск, 1956. – С. 31.

²⁰ Живи, Елец! Муз. Т. Хренникова, сл. Я. Халецкого // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. – Елец, 1996. – Непагинированная вставка между сс. 64 и 65.

²¹ Городок районный. Муз. В. Букина, сл. М. Плячковского. // Букин В. Любовь моя, любовь...: Избранные песни для голоса в сопровождении фортепьяно (гитары). – М., 1981. – С. 37.

²² Есть город в России. Муз. И. Михайловского, сл. Ю. Щелокова // Тула – родина моя: Сборник песен. – Тула, 1977. – С. 21.

²³ Песня о Туле (из музыкальной комедии «Русский Секрет»). Муз. В. Дмитриева, сл. В. Константинова и Б. Рацера // Дмитриев В. Песни для голоса в сопровождении фортепиано и баяна. – М., 1975. – С. 32 – 33.

²⁴ Живи, Елец! Муз. Т. Хренникова, сл. Я. Халецкого // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. – Елец, 1996. – Непагинированная вставка между сс. 64 и 65.

²⁵ У города Тамбова. Муз. Ю. Чичкова, сл. В. Семернина // Чичков Ю. Песни для голоса в сопровождении фортепиано. – М., 1971. – С.15.

²⁶ Былина о Ельце. Муз. С. Погорелова, сл. Л. Лебедева // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. – Елец, 1996. – С. 11.

²⁷ Наш Брянск. Муз. С. Каца, сл. И. Швеца // Мой город родной: песни о городах: для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна) / Сост. К. Соимонов. – М., 1980. – С. 32.

²⁸ Моя молодая Ухта. Муз. Я. Перепелицы, сл. А. Журавлева // Перепелица Я. Красная рябина: Песни. – Сыктывкар, 1986. – С. 22.

²⁹ Песня о Туле (из музыкальной комедии «Русский Секрет»). Муз. В. Дмитриева, сл. В. Константинова и Б. Рацера // Дмитриев В. Песни для голоса в сопровождении фортепиано и баяна. – М., 1975. – С. 32 – 33.

³⁰ Песня об Усинске. Муз. Я. Перепелицы, сл. В. Кушманова // Перепелица Я. Красная рябина: Песни. – Сыктывкар, 1986. – С. 27.

³¹ Мой адрес – Советский Союз. Муз. Д. Тухманова, сл. В. Харитоновна // Песни наших дней / Сост. О. Ф. Агафонов и др. – М., 1986. – С. 213.